Werther.

Russische Revolutionsbilder.

ВЕРТЕРЪ.

Очерки

ИЗЪ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

разсказы, эпизоды, наброски съ натуры.

Берлинъ.
1906.

Verlag der Stuhr'schen Buchhandlung,
Berlin.

ВЕРТЕРЪ.

Russische Revolutionsbilder.

Очерки

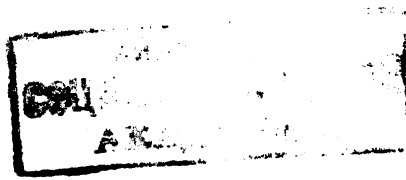
ИЗЪ

РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

разсказы, эпизоды, наброски съ натуры.

Берлинъ.

1906.



I.

Красная ночь.

. . . . И хотя жители этого города были тогда охвачены буйнымъ страхомъ, хотя въ нихъ сильно и горячо боролся инстинктъ самосохраненія, все же больше полгорода народа вывалило на высокій и красивый берегъ, гдѣ амфитеатромъ стояли многоэтажные дома, какъ щестинистое чудовище и зданіе городского управленія, схожее съ греческими Пропилеями. И со всѣхъ концовъ города сюда спѣшилъ народъ созерцать шантское зрѣлище, какъ величественно на подобіе пожара Рима, горѣлъ этотъ красивый южный рейдъ съ пароходами, пакгаузами, складами и безконечно длинной эстокадой . . .

Войска тѣснили публику и на всемъ протяженіи этого высокаго и крупнаго берега стоялъ какой-то глухой ропотъ... Небо и море были въ густыхъ желтыхъ волнахъ дыма; когда эти вольны рѣдѣли, а сквозь нихъ прорывались снопы ярко краснаго пламени, когда эти огненныя струя колебались отъ вѣтра на огромныхъ домахъ и играли на ослѣплен-

ныхъ окнахъ, тогда чудилось, что весь городъ былъ охваченъ заревомъ, всѣ улицы были красны и оттого безумно и трагически страшна была эта красная ночь ...

Все было красно и даже сами люди вдыхали въ себѣ красный, какъ будто поддоженный воздухъ.

Народъ стоялъ на берегу въ изумленномъ молчаніи, широко раскрылъ въ это зрѣлище глаза и въ этомъ молчаніи громко кричало одно только сильное внутреннее удовлетвореніе.

Всѣ слышали, какъ гдѣ-то тамъ, далеко внизу, гремѣла великая симфонія множества тысячъ протестовавшихъ голосовъ, словно цѣлый лѣсъ рукъ поднимались кверху, тысячи пославшихъ лицъ страшно отражали огни этой красной и дикобезудержанной ночи и снизу неслись только тягучіе, непрерывчатые вскрики знакомаго слова, слово, которое выражало протестъ и вырывалось изъ этихъ разбитыхъ грудей тревожнымъ, длиннымъ аккордомъ!

— До-о--о-ло-о-оооой!

И казалось, что эти же сотни тысячи людей бросали въ отдѣльности свои презрительные голоса въ этотъ гигантскій звучный костеръ и всѣ охотно поддерживали его великій огонь, огонь злобныхъ, вѣковыхъ протестовъ. Гнетъ, гнетъ, гнетъ заставилъ всѣхъ кричать отъ боли и всѣ кричали...

Въ эту безумно-красную ночь совершалось высокое и важное жертвоприношеніе и въ эту дикую и

причудливую симфонію больныхъ протестовъ больныхъ протестовъ вливалось все горькое и наболѣвшее, все тяжелое и обиженное что испытывали притѣсненные люди . . .

Не оттого ли такъ шипѣлъ этотъ яркій и большой костеръ, не оттого ли съ больнымъ трезвономъ въ океанѣ пламени горѣли и точно отъ огня сгибались муки и стоны людей, не оттого ли, что эта симфонія народныхъ стоновъ, такъ сильно горѣла и въ этомъ горѣніи отдавались далекіе, потрясающіе отголоски . . .

Міръ прахомъ идетъ отъ насилій, груди людей надрывались отъ непосильныхъ криковъ спасенія . . .

И сколько здѣсь не было народу — каждый разно воспринималъ видимые ужасы этой красной ночи — но мысли всѣхъ — удовлетворенное чувство и сознаніе необходимости этого жертвоприношенія сводились къ общему и единному убѣжденію:

— Такъ надо!

И если бы нашелся смѣлый и сильный человѣкъ и всею грудью надъ этимъ моремъ и берегомъ обратился къ этимъ массамъ съ громовымъ воззваніемъ:

— Что вы дѣлаете?!

Тогда бы и люди, и море, и огромное пламя и воздухъ — всѣ бы опять таки громогласно отвѣтили-бъ ему:

— Такъ надо!

И чудовищныя мысли охватывали мозгъ въ эту красную ночь . . .

Гдѣ то вблизи отъ громовыхъ взрывовъ умирали истерзанные люди, гдѣ-то со всѣхъ сторонъ чуть ли не съ бульвара внизъ, прямо въ тысячную толпу направлялись сотни дулъ и надломленные человѣческіе стоны заглушались непрерывнымъ, грохочущимъ ка скадомъ дробныхъ звуковъ . . .

И безпомощно, безъ жизни падали тѣ, у которыхъ вырывались изъ устъ могучіе отъ боли крики, составлявшіе напѣвъ той мученической симфоніи . . .

Сотнями ихъ сгребали въ огонь и пылавшее море И чудилось, что эта красная ночь отъ собственнаго страха и боли кричала тяжелыми залпами. И тогда, подальше отъ этого кошмара, въ бѣшенномъ изступленіи, какъ ошалѣлые бѣглецы, какъ затравленные звѣри, въ безуміи, безъ мыслей и расчета по краснымъ улицамъ бѣгали вразсыпнуно жалкіе люди . . .

Лошадинныя туловища сбивали ихъ своимъ напоромъ съ ногъ, что-то въ воздухѣ свистящіе наносило имъ тяжелые удары, а частые выстрѣли останавливали біеніе ихъ пылкихъ молодыхъ сердецъ . . . . Они сталкивались между собою, звонко спотыкались о камни и грузно падали на землю, то спасаясь отъ отъ смерти, опережали другъ-друга . . .

И убѣгая, они смотрѣли на горящее багровое небо и задыхались отъ удушливаго огненнаго воздуха и остраго ужаса . . .

А красная ночь все блѣднѣла . . .

II.

Такъ онъ предвѣщалъ!

(Изъ посмертныхъ записокъ однаго человѣка.)

(Послѣдняя глава).

Эй, трусишки-люди, опомнитесь, идите ко мнѣ и слушайте что я вамъ скажу! . . . Вы боитесь моихъ откровенныхъ рѣчей, боитесь моихъ писаній . . .

А я вамъ говорю, чтобы вы подошли ко мнѣ безъ страха, я вамъ напомню о томъ, что повторялъ уже тысячу разъ . . . Вы слышите кричите во всю мощь своей груди, кричите ревомъ іерихонской трубы, кричите и кричите, что ярмо давитъ васъ, что оно не оставило здороваго мѣста на вашемъ тѣлѣ . . . Кричите на весь міръ, сотрясайте воздухъ, шумите, какъ могучій набатъ, и разорвите цѣпи, которыя превратили тѣло въ ваше въ сплошную рану, ибо это тѣло принадлежитъ только вамъ, но не тиранамъ . . .

Вы слышите, кричите всѣ, и вы у которыхъ фабричнымъ углемъ закопчены лица, а на рукахъ, какъ бугры, выростаютъ мозоли, и вы, обездоленные, угнетенные жалкіе . . . И тогда потрясающій крикъ заглушитъ міръ . . .

Небо, земля и все то, что между ними, зальется океаномъ огня и никакіе ураганы и смерчи не потушатъ этого міроваго пожара.

Будетъ страшно!

Слушайте, братья! Тогда взбѣшенные, озвѣрѣлые тираны ваши будутъ, какъ бездомные, метаться между Сциллой и Харибдою . . . Ихъ захватитъ девятый валъ, и тогда, не найдя тихой пристани, они погибнуть за свою многовѣковую тиранію . . . . И тогда, братья, насъ освѣтитъ зарево пылающей революціи . . . Гордость и мощь ваша скажется . . . Вы будете велики не тѣмъ, что накажете угнетающихъ, а тѣмъ, что въ „борьбѣ обрѣтете вы право свое“. Вы будете побѣдоносно слѣдовать по обновленной землѣ, и заставите сложить ружья и пушки, сломите лѣсъ висѣлицъ, разрушите тюрьмы и крѣпости . . .

Уже не будетъ презрѣнныхъ тирановъ. . .

Братья мои, развѣ вы не видите, что никакая починка, хотя бы на время не сможетъ поддержать разрушающейся постройки?! Она падаетъ . . .

Сила и право будутъ въ вашихъ рукахъ. Вы станете обладателями этой безсрочной плѣнницы, изгнанницы — свободы. Наступитъ великое время. . .

Не тужите, вы, трусливые люди. Вы составите огромную рать сильную и непобѣдимую . . .

Да развѣ у васъ не хватитъ силъ? Братья мои, когда уже туча низко низко опустится надъ землею, а солнце скроется и наступятъ тяжелые черные дни,

когда на нашемъ безпредѣльномъ морѣ разразится послѣдняя революціонная буря и вы будете карабкаться на громады народныхъ волнъ . . . . . О, тогда вы будете сильные, тогда слабые окажутся богатырями, а неспособные грести весломъ, овладѣютъ оружіемъ. . .

О, какое тогда будетъ сраженіе . . . Это человѣческій ураганъ будетъ. Прочь сотрутся подводныя скалы. Тогда будетъ стоять невообразимый гулъ сиренъ . . . Вы будете слышать крики: „берегитесь, долой, долой тирановъ! И полиція изгнанниковъ алчныхъ и коварныхъ обратятся въ позорное бѣгство на другой край нашего міра . . .

Тамъ, на безжизненныхъ вѣковыхъ кладбищахъ, гдѣ царитъ хаосъ, гдѣ царствуетъ всесокрушающая смерть и ночь, они будутъ совершать безобразныя дикія пляски . . .

И когда они устанутъ отъ этихъ сатанинскихъ оргій, тогда безъ надежды на свѣтлый день, они будутъ спать на извергающихся вулканахъ . . .

Это ихъ удѣлъ . . . Такъ будетъ! Что, братья, развѣ они этого недостойны?! Вѣдь они въ безумной, кровавой вакханаліи губятъ цѣлыя поколѣнія безвинныхъ людей . . . Отъ ихъ удовольствій не хватаетъ кладбищъ въ Россіи, въ странѣ обагренной кровью, странѣ мученниковъ за свободу . . .

Если бы я былъ пророкомъ, вы скорѣе увѣровали бы въ меня. Но я простой смертный и по-

этому сколько я ни убѣждаю васъ, вы остаетесь равнодушными...

Уже изсушились соки моихъ нервовъ, старческая голова сѣдиной посребрилась...

И я вамъ говорю, что эти дни близки, близки...

Долго, слишкомъ долго, братья, мы были наковальней, насъ душили, раскрошили наши кости эти молоты — тираны.

Мы хотимъ быть и будемъ молотомъ тяжелымъ, мощнымъ и карающимъ...

И мы будемъ!...

Братья мои, когда поднимется буря, я давно уже буду въ землѣ...

Но помните эти завѣты...

Я предчувствую, я вѣрю, когда настанетъ та великая свобода и вы будете молотомъ, дробящимъ гнетъ и насиліе, я знаю, что вы скажете:

— Такъ онъ предвѣщалъ!

III.

Маскарадъ.

(Эскизъ)

... И мы пошли... Долго мы съ товарищемъ угрюмые шли по тревожно-спокойнымъ улицамъ, долго сталкивались съ безтолково-мечущимися людьми... Грустно мелькали фонари, уныло и жутко смотрѣлъ снѣгъ изъ оконъ, напоминая народные стоны.... Обликъ всего города, какъ будто безмолвно твердилъ: „Лучшее впереди“ ...

Вотъ мы дошли; поднимаемся по ярко освѣщенной лѣстницѣ... Знаете, какъ въ богатыхъ домахъ? Вокругъ цвѣты, мягкіе ковры подъ ногами ...

Звонокъ и дверь открыта ...

Мы въ богатой квартирѣ — тамъ маскарадъ.

Мы тоже нарядились: товарищъ въ красномъ плащѣ и вся одежда красная, у меня блестящій костюмъ знатнаго испанца ...

Въ гостинной мы увидѣли толпу массокъ.

Тутъ были разные: баба съ кривой и плачущей миной на лицѣ, усатый господинъ съ длиннымъ носомъ и съ комично серьезнымъ выраженіемъ лица, затѣмъ простыя маски во всевозможныхъ одѣяніяхъ.

Странныя эти маски: покровъ ихъ скрываетъ въ лицѣ человѣка все живое, прорѣзы для глазъ, какъ то мертво смотрятъ и лишь, если попристальнѣе всмотрѣться, то замѣтишь, какъ въ глубинѣ этихъ прорѣзовъ бѣгаютъ живые зрачки.

Вотъ маски окружили насъ: костюмъ моего товарища встрѣчаетъ одобреніе. Насъ дергаютъ, что то мимолетно спрашиваютъ, смѣются надъ нами, жмутъ наши руки и нѣкоторые шепчутъ что-то . . .

Одна маска подходитъ ко мнѣ и начинаетъ коварно смѣяться надо мною, но выраженіе маски отъ этого не мѣняется — оно также безжизненно, какъ и прежде

Въ это время раздаются звуки вальса. Эти звуки ползутъ, какъ сонные мухи, надъ шумящей маскированной толпой и обиваютъ то одну, то другую пару масокъ, въ ту же минуту ихъ, къ кольцахъ этихъ змѣй, охватываетъ какой-то вихрь и заставляетъ кружиться на одномъ мѣстѣ.

Звуки, извиваясь уже добрались и до меня: они черезъ невидимое отверстіе входятъ въ мою душу, заглядываютъ во всѣ неизвѣданные до селѣ уголки и вездѣ сталкиваются съ другимъ болѣзненнымъ звукомъ стона.

Безумный вихрь идетъ . . . Я это чувствую . . .

Ко мнѣ подходитъ какая-то маска, и безумно поглядѣвъ на меня, беретъ меня за руку, и мы вмѣстѣ съ ней мчимся въ томъ-же головокружительномъ вихрѣ . . .

И мелькаютъ передъ тобой лишъ развѣвающіеся локоны, да отдѣланная мишурой блестящая одежда...

Звукамъ нѣтъ мѣста, вездѣ лишь вихрь, безумный вихрь...

Но вотъ гаснутъ, гаснутъ звуки...

Дикій вихрь ослабѣваетъ... Ноги спорятъ съ силой вихря и, наконецъ, одолѣваютъ ее...

Звуки умерли...

Всѣ сидятъ и жалуются на жару, я отхожу въ сторону — къ окну... Моя дама куда-то пропала. Окно завѣшано... Я отдергиваю занавѣску и гляжу.

На улицѣ тихо.

Единственный фонарь, стоящій передъ окнами, безуспѣшно борется съ зловѣщимъ мракомъ...

Мракъ сильнѣе его слабаго свѣта... Во власти фонаря только небольшой кусочекъ освѣщенъ ярко.

На освѣщенной панели — *кровь*, пятно крови...

Откуда кровь?

Отчего?

Зачѣмъ?

Я поглощенъ этими вопросами...

„Не надо глядѣть въ окно!“

Это сказала откуда-то появившаяся танцевавшая со мной барышня.

— Почему у васъ окна завѣшаны? спросилъ я.

— Такъ; папа не любитъ глядѣть на улицу.

— Почему-же? снова спросилъ я.

— Да, такъ... Тамъ на улицѣ не хорошо! добавила маска.

— Ну, а вы любите? еще полюбопытствовалъ я.

Я, нѣтъ... Да, что тамъ интереснаго... да и мнѣ папа не позволяетъ...

Я началъ объяснять, что улица вовсе не страшная, что на улицѣ то и есть настоящая жизнь, что только тамъ и можно найти настоящихъ людей, которые ищутъ лучшаго, заботятся о другихъ, а не утѣшаются удовлетворительной съ виду современностью...

Но моей маскѣ показалось это скучнымъ...

Она какъ-то неохотно покачивала головой и мертво вращала глазами въ прорѣзахъ своей маски...

— Это скучно... разговаривать! сказала наконецъ моя дама, давайте лучше попрыгаемте!

И въ эту минуту понеслись звуки кадрили...

Они не ползли, а неслись и неслись не какъ неуклюжіе змѣи, а какъ маленькія кривыя змѣйки извивающіеся ловко и быстро, дѣлающіе въ воздухѣ, съ быстротой молніи, красивые пируэты.

Эти звуки не искали отверстія, чтобы войти въ мою душу — они входили гдѣ попало и пронзали ее своими колючими жалами, причиняя много страданій моей и безъ того истерзанной душѣ...

Теперь другой вихрь охватилъ всѣхъ.

Всѣ изображали, взявшись за руки, кругъ и дико неслись то въ одну, то въ другую сторону... Меня пригласила опять таже маска и мы присоединились къ кругу...

„Grand rond“ раздался охрипшій голосъ дирижера...

И всѣ неслись...

Бѣшено неслись...

Но я болѣе не видѣлъ ни масокъ съ безсмысленными минами, не развѣвающихся благоухающихъ локоновъ, ни блещущей мишуры...

Я видѣлъ лишь багряный плащъ моего товарища...

Онъ затмѣвалъ собою все.

Что вашъ костюмъ изображаетъ? спросили послѣ танцевъ друга.

... Да правда! Что этотъ костюмъ означаетъ? мелькнуло у меня въ головѣ, вмѣстѣ съ нимъ готовился къ маскараду и не догадался спросить...

— Я — кровь! Пролитая кровь! заявилъ мой товарищъ.

Всѣ маски переглянулись, загадочно переглянулись, но онѣ чувствовали — это было скрыто подъ неподвижными масками — этого нельзя было уловить...

Всѣ маски отошли въ сторону отъ моего друга...

Я слышалъ, какъ одна маска шепнула другой:

— Странный человѣкъ! Кровь! Зачѣмъ на балу кровь?! ... Уныніе наводитъ! ...

— — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — —

Маскарадъ конченъ . . .

Костюми сорваны . . .

А въ душѣ тяжело . . .

Звуки веселья не заглушили народнаго горя! . . .

— — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — —

— — — — — — — — — — —

Напрасно „они“ не глядѣли на улицу, завѣшивали окна . . .

Когда мы шли по улицѣ домой, въ ночномъ мглистомъ мракѣ ея что-то готовилось . . .

Что то готовилось! . . .

IV.

Кровавый Молохъ.

Отрывокъ.

Вѣковой народный сонъ смѣняла молодая вольная жизнь и когда просыпалось все свободное и сильное — старое и гнилое уходило безъ возврата, оставляя послѣ себя что-то до безумія безчеловѣчное, кровавое и ужасное... Между тѣмъ, что происходило и тѣмъ что должно было только произойти, имѣлась какая-то чуждая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и близкая связь; никто этого не видѣлъ и не сознавалъ и у всѣхъ людей широко раскрылись глаза, только тогда, когда потекли обильные потоки народной крови . . .

И поднялось что-то огромное и чудовищное, на знамени котораго красными буквами были выжжены три гибельныхъ слова: „крови или свободы“... И слова эти будто послужили призывомъ къ тому, чтобы великій кошмаръ, неописуемый своей уродливостью и безобразіемъ поднялся надъ придавленной страной, расправилъ свои исполинскія крылья, задышалъ чернымъ ужасомъ смерти . . .

Люди-братья ринулись другъ на друга . . . Эта борьба, словно чудовищная гидра, была страшна

какъ красный вихрь и жестока какъ само безумiе... Со всѣхъ концовъ страны спѣшили тысячи проснувшихся людей и въ ихъ бѣгствѣ слышалось что-то увѣренное, сильное и неотразимое...

Надъ кровавой ареной борьбы, гдѣ смерть и ужасъ или рука объ руку парилъ какой-то невидимый, всепожирающiй злой духъ и такъ какъ отчаяніе и страхъ красной пеленою заволокли глаза людей — никто его не видѣлъ... Это былъ всевластный побѣдитель — незримый Кровавый Молохъ. Онъ былъ облаченъ во влажную кровавую мантiю и открытая пасть его была такъ огромна какъ весь міръ и такъ бездонна — какъ сама безконечность.... Въ его пасти міровая могила и черный ужасъ глядѣлъ оттуда на безстрашныхъ народныхъ бойцовъ...

Не одинокiе люди, а цѣлыя горы ихъ, горы мертвецовъ съ судорожною подвижностью сползали въ эту огромную пасть — въ это чудовищное кладбище...

Это была ненасытная, зловѣщая бездна и сколько она не поглощала труповъ — для нея все было мало и ничтожно, ничтожно до жестокаго равнодушiя...

Люди были ослѣпленны и глухи... Они не видали, какъ огромныя губы Кроваваго Молоха подбирали жертвы, они не слышали, какъ большой языкъ этого гиганта прихлебывалъ лужи красной густой жидкости...

Какой то могучій законъ желѣзной необходимости нашептывалъ борцамъ мужественно отстаивать права на свободную жизнь...

И они слѣпо шли впередъ, шли настойчиво подъ красными знаменами, призывая на борьбу, шли на встрѣчу смерти, теряя тысячи жертвъ, а гдѣ-то далеко впереди ихъ уже пылалъ огонь великой побѣды...

... Если вы не жили въ эпоху Чингисхана, если вы не видѣли испанскую инквизицію — передъ вами все это повторяется, повторяется съ ужасною подробностью. Французская революція является только слабымъ отроженіемъ той трагедіи, имя которой Русское Освобожденіе...

Перо мое не сгущаетъ краски, оно еще безсильно очертить ту быстро смѣняющуюся живую картину, на кровавомъ фонѣ, которой казни, пожары, разстрѣлы и погромы поперемѣнно смѣняютъ другъ друга...

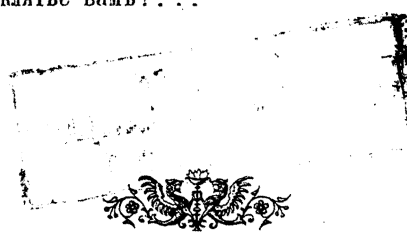
Ареной является израненая русская земля... Она такъ напиталась кровью, что если бы всю эту кровъ отвести по каналамъ въ моря Европы, они бы выступили изъ своихъ береговъ...

Если бы Неронъ жилъ въ XX вѣкѣ, то быть можетъ, лишь теперь бы онъ насытился кровью тѣхъ жертвъ, что приносятся на алтарѣ Освобожденія...

Всевластные тираны, правящіе измученной страной, вы въ послѣдній разъ поклоняетесь Кровавому Молоху . . . Вы взываете къ нему . . .

Но уже близка ваша гибель . . .

Проклятье вамъ ! . . .



Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы, Ал. Амфитеатровъ (old Gentlman) сосланъ на 12 лѣтъ въ сибирь ч. 1—3 по 1,—
за все 3,—

Андреевъ Л. Бездна . . . . . 2,—

М. Горькій. Три разсказа (не пропущены русской цензурой) . . . . . 1,—

— — Революціонныя пѣсни и баллады 1,—

Голосъ изъ русской арміи Разоблаченія . 2,—

Ждановъ, Сергѣй. Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ 2,—

Суккенниковъ, М. Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . . . . 1,—

Спасовичъ Вл. Семь судебныхъ рѣчей . . 5,—

Содержаніе: I Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мервинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибыловыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Вл. Короленко. Чудная . . . . . 1,—

Домъ № 13 . . . . . 1,—

Портъ-Артуръ . . . . . 1,—

Евреи въ Москвѣ . . . . . 1,—

С. Щедринъ Топтыгинъ I, II, III . . . . 1,—

Бильбасовъ В. А. Исторія Екатерины Второй Томъ I и II. . . . . 25,—

Марокъ

Флеровскій Н. Н. Три политическіе системы: Николай I, Александръ II и Александръ III. . . . . 6, —

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10, —

Л. Н. Толстой. Война и разумъ . . . . —,60

— — Крейцерова соната 1.70

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“ . . . . . 1,—

— — Крестьянская революція . . . . . 2,—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Очевидецъ. — Кровавое воскресенье въ С-Петербургѣ 9—22 января 1905, наброски съ натуры, отзывы заграничной печати . . . . . 1,—

Колосовъ. Смерть Плеве и Сергѣя Александровича . . . . . 1,—

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ:

Вып. I: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1,—

Карповичъ. Избіеніе русской молодежи. . . 1,—

Колосовъ. Его Превосходительство . . . . 3,—

Сущность и значеніе **конституціи** гарфа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1,—

Новые матералы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2,—

Марокъ

Томъ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . 2,—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . 2,—

„ VIII. **Павелъ I,** его семейная жизнь, фавориты и убійство . . . . 2,—

„ X. **Николай I,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . 2,—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

„ XII. **Александръ III,** . . . . . 2,—

„ XIII. **Николай II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . 2,—

А. Бебель, Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3,—

Въ этой книгѣ знаменитаго вождя соціалистовъ обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій столь крупное значеніе для нормальнаго развитія современнаго общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ самый непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.

Мысли о Финляндіи . . . . . —,80

Болѣзнь Александра III. . . . . . 1,—

Антонъ Горемыка. Князь Потемкинъ Таврическій . . . . . 1,—

Проѣзжій, Господа черносотенцы.. . . . . 1,—

Вильгельмъ Райнеръ, „Дарованная" конституція и контръ-революція . . . . . 2,—

М. И. Грантъ, графъ Витте вчера и сегодня . 1,20

Типографія Левента (С. Сиднеръ)
Берлинъ SW. 68, Линденштрассе 93.